

КНИЖНАЯ ПОЛКА

АДАМ МУХАМЕДОВИЧ ГУТОВ

(Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН:
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18).

Рецензия на: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М.: Наука — Восточная литература, 2016. 381 с.

Собирание, публикация и изучение сказаний кавказских народов о богатырях-нартах давно и устойчиво вошли в фольклористику под названием *нартоведение*. Так как эти сказания являются достоянием фольклора нескольких народов, то и названное явление представлено соответственно — нартоведение абхазское, адыгское, вайнахское, карачаево-балкарское, осетинское и т. п. Можно со всей ответственностью признать, что со времени своего появления (кстати, сравнительно позднего, а именно с конца 40-х — первой половины 50-х гг. XX в.) группа абхазских специалистов в данной области отличалась высоким уровнем компетенции, аргументированностью суждений и основательностью выполняемых работ. Это очевидно по многим опубликованным ими фактическим материалам, на которых базируются и их научные труды. Обстоятельства сложились так, что число специалистов, основным занятием которых является исследование фольклора, в Абхазии всегда было невелико — не более нескольких человек. Но каждый из этих нескольких находил свою нишу и всегда делал самое нужное дело. Стержень абхазского нартоведения составили, без сомнения, Ш. Д. Инал-ипа, Ш. Х. Салакая и А. А. Аншба. В основном их стараниями и конечно же при энергичной поддержке коллег — языковедов, литераторов, историков — в научный обиход вошли многочисленные материа-

лы сказаний и песен о нартах абхазского эпоса, им же принадлежат монографии и десятки статей, посвященных изучению названного феномена эпического народного творчества. Отрадно, что у старшего поколения абхазских нартоведов есть достойные преемники, первым из которых надо по праву признать З. Д. Джапуа, пришедшего в фольклористику в конце 80-х гг. минувшего столетия и за короткое время ставшего одним из ведущих специалистов в области фольклористики на всем Кавказе. В российской академической серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока» недавно вышла в свет его новая монография «Абхазский нартский эпос. Текстология. Семантика. Поэтика». Как понятно уже из названия, это работа обобщающая, претендующая на всю полноту охвата материала с учетом истории и нынешнего состояния нартоведения.

Прежде, чем перейти к самой этой книге, считаем должным кратко рассказать о ее авторе. Его специализация как эпосоведа происходила в стенах Института мировой литературы в 80 гг. XX в. Кандидатская диссертация создавалась под руководством В. М. Гацака, что уже свидетельствует о причастности к авторитетной научной школе. Возвратившись в Сухум в непростое для республики время, он энергично приступает к налаживанию профессиональной работы по сбору, систематизации, изучению фольклора.

В драматических обстоятельствах войны и послевоенной разрухи он добивается впечатляющих результатов. Так, за относительно короткое время из-под его пера выходят две монографии об абхазском эпосе [Джапуа 1995; Джапуа 2003], а также учебные пособия по фольклору, несколько десятков научных, научно-популярных и публицистических статей. Он активно выступает на международных научных конференциях, в 2003 г. в том же ИМЛИ защищает докторскую диссертацию. Одновременно он преподает в местном университете, выступает с очерками и рецензиями на труды своих коллег и на произведения абхазских писателей. Пожалуй, самое примечательное для нас то, что ему удалось в невероятно сложных условиях создать при Абхазском государственном университете научное подразделение «Учебно-научный центр нартоведения и полевой фольклористики». Достаточно сказать, что подобного центра нет ни в одной из северокавказских республик. Это событие имеет следствием то, что к систематизации имеющихся и сбору новых фольклорных материалов, к их публикации и изучению были привлечены как немногочисленные в стране специалисты (фольклористы, языковеды, этнографы, культурологи, этномузыковеды), так и десятки студентов, пусть не всегда профессионально зрелых, но весьма полезных, когда ими руководит такой ученый. Как пишет З. Д. Джапуа, результатом стало то, что воедино были собраны и систематизированы по всем существенным признакам сотни текстовых записей нартских сказаний. К ним прибавились аудио- и видеоматериалы. И если до этого практически никто не представлял себе всего объема имеющегося арсенала абхазской версии нартиады, то не без удивления специалисты теперь могут увидеть, что потенциал данной этноязыковой ветви кавказского эпоса не менее чем «...около тысячи аутентичных текстов» (с. 39), причем чуть ли не половина записей выполнена в последние лет двадцать с небольшим. Из них автором, по его словам, лично записано 257 текстов.

Ко времени выхода в свет новой книги Зураб Джотович Джапуа — не только маститый ученый, он крупный организатор науки, президент Академии наук Абхазии. В новой монографии с наибольшей

полнотой нашли отражение и теоретико-методологические принципы, исповедуемые автором, и всеобъемлющая характеристика абхазского эпоса с описательно-аналитическими штудиями, охватом всего зафиксированного к настоящему времени арсенала сказаний и песен.

Известно, что наука движется, прежде всего, исследованиями в избранных наиболее важных узких областях. Обобщающие труды часто бывают обречены на частичную компилятивность и описательность, в них порою не столько излагаются новые факты и устанавливаются ранее не обнаруженные закономерности, сколько приводится в систему то, что уже кем-то когда-то сделано. Но если время от времени не обобщается и не осмысливается то, что наработано исследованиями в узких специальных областях, картина состояния научной проблемы рискует уподобиться, как изрек Козьма Прутков, флюсу: какая-то часть окажется успешно разработанной, другая же останется без внимания. З. Д. Джапуа, как представляется, успешно совместил обнаружение закономерностей с обобщениями.

Автор начинает свое исследование в полном соответствии с канонами традиции, но успешно сочетает верность им с новациями. Первая из четырех частей его основного корпуса посвящена истории абхазского нартоведения, и уже здесь начинает проявляться индивидуальный стиль автора. После известных работ вышеназванных ученых он выдвигает свою концепцию, предлагая делить историю вопроса на три этапа, вместо принятого принципа деления на досоветский и современный. Мотивируется это эволюцией предмета исследования: начальный период — это доминирование этнографического и лингвистического подхода к материалу, второй — возникновение фольклористического ракурса и выдвижение нартоведения как направления, третий же связан с его самоутверждением как важной области гуманитаристики в комплексе. Помимо того, впервые обращается внимание на то, что абхазский нартский эпос продуктивно функционирует не только в ареале исторического проживания этноса, но и в диаспоре. В Турции проживает в несколько раз больше абхазов-мухаджиров, нежели в самой Абхазии (такое же положение отмечается и с адыгским

этносом: в одной только Турции несколько миллионов этнических адыгов, десятки тысяч рассеяны по странам Ближнего Востока, Западной Европы и Северной Америки), и там нартские сказания имеют такое же хождение, как и на исторической родине этноса. Поэтому автор предложил в первой части книги два раздела — в первом рассматривается история предмета на Кавказе, во второй — в турецкой диаспоре. Это не просто география, а и новый ракурс в изучении, так как с ним связан целый ряд ранее не поднимавшихся проблем феномена традиционной культуры в условиях иноязычного окружения.

Далее в той же части рассматриваются с учетом исторической ретроспективы вопросы собирания, публикации, перевода и изучения абхазского нартского эпоса. Каждой из этих областей деятельности посвящен самостоятельный раздел в главе. Иными словами, в названной части рассмотрены фактически все важнейшие аспекты истории нартоведения как области фольклористики. З. Д. Джапуа, достойный преемник старших коллег и верный ученик В. М. Гацака, не упустил из сферы внимания ни одной существенной детали, что позволило ему не только выстроить полную картину истории явления, но и оценить ее в свете новейших тенденций. Кроме того, им воссоздана панорама современного состояния абхазского нартоведения.

Одна из стержневых задач, стоящая не только перед коллегами из Абхазии, но и перед всеми нартоведами, — научное издание аутентичных текстов с соответствующей научной подготовкой, переводом на русский и иные языки, комментариями и прочим необходимым сопровождением. Этот вопрос в его реальном воплощении поставлен в третьем разделе под названием «К истории подготовки издания полного собрания абхазских нартских сказаний». Только специалисты, которые сами принимали участие в трудах подобного рода, могут достойно оценить огромный труд, который сопряжен с таким изданием. Одно лишь перечисление видов работ, которые пришлось выполнить, уже впечатляет. Так, только критика текстов требует систематизации материала по принципу аутентичности каждого из них. Но и самые грамотные записи надо разделить соответственно цели

собирателя: у лингвиста, например, свои задачи, собственный ракурс видения, и, он фиксировал именно то, что ему было нужно. У этнографа соответственно круг интересов свой, свой взгляд на предмет, соответственны и его принципы записи, характер примечаний и комментарии. Учитывать надо всё, даже пересказы содержания, фрагментарные заметки, вольное изложение сюжета на ином языке. Не исключение — и литературно обработанные тексты, просто надо уметь различать источники по стилю и характеру изложения и ни в коем случае не выдавать одно за другое. И если трудом небольшой группы людей во главе с З. Д. Джапуа подготовлено собрание текстов объемом в шесть томов и числом до тысячи текстов, добрая половина которых записана в конце минувшего и начале нынешнего столетия, то это в пору называть подвигом. Правомерно так заявлять еще и потому, что до последнего времени большинство специалистов считало, что абхазская версия нартского эпоса, мягко говоря, не основная, что есть версии более многообразные по сюжетике, количеству циклов, сюжетов и мотивов. При ознакомлении с рецензируемой монографией предстает иная, более объективная картина. Значительно обширнее, чем представлялось ранее, оказываются и ареал бытования эпоса, и число персонажей, и типологические характеристики, и отраженные в фольклоре признаки межэтнических связей, и прозрачные свидетельства былой общности ныне разноязычных народов, у которых бытуют сказания о нартах.

Кажется, ничего удивительного нет в том, что автор унаследовал от учителей и старших коллег тщательный учет и основательный анализ всех материалов. Он перенял также и подчеркнута уважительное, трепетное, отношение к труду каждого из тех, кто причастен к исследованию поэтического наследия абхазского народа. Каждому, кто внес лепту в это благородное дело, З. Д. Джапуа посвятил хотя бы по несколько страниц, насыщенных информацией и анализом деятельности ученого. Это не просто констатация фактов, а ценное аналитическое исследование, позволяющее значительно восполнить историю и теорию кавказского эпосоведения.

Части вторая и третья могут представляться функционально близкими друг

к другу, но в них решаются принципиально разные задачи. Неслучайно в названии части «Сюжеты абхазского нартского эпоса» имеется уточнение: «семантика и систематизация». Автор сначала констатирует основное ядро сюжетов и мотивов, а затем проводит сопоставительно-типологический анализ целой серии сюжетов; в их ряду чудесное рождение, борьба с мифическими существами, убийство состарившегося богатыря, гибель героя. Разумеется, если бы ученый решился с характерной для него дотошностью исследовать все сюжеты абхазской версии нартского эпоса, ему потребовалось бы расширить объем книги в несколько раз. Но он разумно ограничил себя — не в ущерб качеству. В названных сюжетах автор обнаруживает такое сложное переплетение мотивов, что привычное представление о самом мотиве как «атомном» компоненте разveивается. Так, рассматривая, казалось бы, основательно изученный многими фольклористами сюжет о чудесном рождении, З. Д. Джапуа находит только в одном мотиве рождения героя переплетение разных представлений и связь со многими формами воплощения этой мифофольклорной универсалии. Мотив реки — это и рубеж между изведанным и непознанным или достоверным и фантастическим, и граница между земным миром и потусторонним, и житнетворное начало, и символический знак очищения или же приобщения к сакральному. Это всё не нагромождается, чтобы обрушить на читателя, а выстраивается в систему, причем с многочисленными ссылками на труды многих исследователей мирового фольклора и мифологии. Таким же образом под «микроскопом» ученого оказываются мотивы зарождения жизни, с чем связаны чудесные свойства женщины (фантастическая красота, способность к предвидению, связь с таинством явления жизни), а также атрибуты потустороннего мира в облике и поведении мужчины, образ которого возводится к мифическому существу-подателю (великану, змею). Понятно, что для подобного обстоятельного изучения сюжета и мотивов как его компонентов потребовалось перелопатить огромную научную литературу и аккумулировать знания vieler многих областях. Не менее важно отметить, что З. Д. Джапуа рассматривает

особенности объективации сюжета с охватом всех этноязыковых версий эпоса, не упуская из поля внимания суждения и фольклористов, и этнологов, и религиоведов. Это позволяет ему установить как многие общие закономерности, так и возможные причины сходства и различий в интерпретации одного и того же сюжета, отмеченного на языках разных народов Кавказа. Будучи последовательным сторонником традиционных методов, ученый смело пользуется приемами формализации, когда считает это уместным и репрезентативным. Так, составленная им таблица со схемой сюжетных параллелей, занимающая всего одну страницу (с. 159), красноречивее, чем всякий многословный текст, отражает реальную картину частотности фиксации пятнадцати эпических сюжетов в шести этноязыковых версиях цикла Сасрыкуа. Любопытно, что она свидетельствует о том, что налицо случаи, когда варианты сюжета сходны в версиях на языках более отдаленных друг от друга, нежели близких по типу (например, в версиях осетинском и абхазском, что никак нельзя объяснить взаимовлиянием). Это косвенное подтверждение исповедуемой нами концепции возникновения ядра нартских сказаний во времена кавказской языковой общности [Гутов 2009, 85–104].

В названных сюжетах автор находит переплетение мотивов, которые в специальной литературе истолковываются по-разному, но фактически одинаково мотивированно. Поэтому разобраться в них задача довольно сложная. Исследователь, не оговаривая этого специально, отходит от традиционного понимания центрального мотива как неделимого ядра сюжета. Логика его рассуждений подводит к выводу, что понятие мотива не всегда четко подразумевает конкретное содержание, поскольку всякий мотив может иметь различные варианты в плане выражения.

Четвертая часть монографии — это развитие идей В. М. Гацака, который обращал особое внимание на роль этнопоэтических констант в фольклоре [Гацак 1999; Гацак 2002]. Такое изменчивое, невольно варьируемое от исполнения к исполнению и от исполнителя к исполнителю явление как, текст устного эпоса, непременно имеет свои устойчивые компоненты, благодаря которым он

функционирует на протяжении столетий. На конкретном языковом материале автор рассматривает такие разнородные константы как, описание (описание коня), ключевые эпизоды (богатырское соперничество и столкновения), характеристики времени и пространства, эпическая металогия. Фактически исследуются в сопоставлении все языковые версии нартских сказаний, благодаря чему устанавливаются общекавказские константы и их параллели с мировым эпосом.

В книге есть еще одна часть, о которой обычно или не говорят вовсе, или упоминают мимоходом, — это приложения, которых здесь несколько. Первые два — полный список публикаций абхазских нартских сказаний — на исторической родине и за рубежом. Третье — полный

перечень исследований абхазского эпоса за все время его изучения. Излишне говорить, насколько кропотливой была работа по составлению подобных указателей и насколько добросовестно выполнена она автором. Но четвертое приложение, указатель сюжетов, превосходит по энергоемкости все остальные виды работ, поскольку ради описания одного мотива с его вариантами, что умещается в одну фразу, порою приходится перелопатить десятки и сотни страниц. Это и делает разыскания ученого равными труду старателя — в грамм добыча, в год труды. Но зато и та добыча, которую предлагает автор, оправдывает затраченный на нее труд.

Нет сомнения, что монография З. Д. Джапуа явится важным вкладом в кавказскую и всю евразийскую фольклористику.

Литература

Гацак 1999 — *Гацак В. М.* Пространство этнопоэтических констант // Народная культура Сибири: Матер. VIII науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 1999. С. 109–112.

Гацак 2002 — *Гацак В. М.* Этнопоэтические константы в фольклоре — уровни, изогlossы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, август 2003). М., 2002. С. 311–324.

Джапуа 1995 — *Джапуа З. Д.* Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система / Отв. ред. В. М. Гацак. Сухум, 1995.

Джапуа 2003 — *Джапуа З. Д.* Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрьскиле: Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством: Тексты, переводы, комментарии / Отв. ред. В. М. Гацак, Ш. Х. Салакая. Сухум, 2003.

Гутов 2009 — *Гутов А. М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором адыгского фольклора, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН: Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика, 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18; тел.: +7 (866) 42-51-69; e-mail: adam.gut@mail.ru

ADAM GUTOV

(Institute of Studies for Humanities, Kabardino-Balkar Scientific Center, Russian Academy of Sciences: 18, Pushkin str., Nalchik, 360000, Kabardino-Balkaria, Russian Federation)

Review on: Dzhapua Z. D. Abkhazskiy nartskiy epos: Tekstologiya. Semantika. Poetika [Abkhaz Nart epics: Textology. Semantics. Poetics]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2016. 381 p.

References

Dzhapua Z. D. (1995) Nartskiy epos abkhazov: Syuzhetno-tematicheskaya i poetiko-stilevaya sistema [Nart epics of the Abkhaz: Plot-theme and poetic-stylistic system]. Sukhum. In Russian.

Dzhapua Z. D. (2003) Abkhazskie arkhaiskie skazaniya o Sasrykua i Abryskile: Sistematika i interpretatsiya tekstov v sopostavlenii s kavkazskim epicheskim tvorchestvom: Teksty, perevody, kommentarii [Abkhaz archaic tales about Sasrykua and Abryskil. Systematic and interpretation of texts in comparison with Caucasian epic creativity]. Sukhum. In Russian.

Gatsak V. M. (1999) Prostranstvo etnopoeticheskikh konstant [Space of Ethno-Poetic Constants]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk culture of

Siberia]. Proceedings of the 8th Sch.-pract. seminar of the Siberian Regional University Center on Folklore. Omsk. Pp. 109–112. In Russian.

Gatsak V. M. (2002) Etnopoeticheskie konstanty v fol'klore — urovni, izoglossy, "mul'tmediynye" formy (na slavyanskom i neslavyanskom materiale) [Ethno-Poetic constants in folklore: levels, isogloss, multimedia forms (exemplified in Slavic and Non-Slavic material)]. *Literatura, kul'tura i fol'klor slavyanskikh narodov* [Literature, culture and folklore of the Slavic peoples]. The 13th International Slavist Congress. Moscow. Pp. 311–324. In Russian.

Gutov A. M. (2009) Narodnyy epos: traditsiya i sovremennost' [Folk epics: tradition and nowadays]. Nalchik. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: adam.gut@mail.ru

Tel.: +7 (866) 42-51-69

18, Pushkina str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, Russian Federation

Full Professor (Philology), professor, head of the Department of Adyg Folklore, Institute of Studies for Humanities, Kabardino-Balkar Scientific Center, Russian Academy of Sciences
